

НАТАШКИНА УЛИЦА

Вел. Кучу -
Леонид ЛЕРНЕР - 2001
- 14 дек. - с. 6

Когда я познакомился с художницей Натальей Зобковой, ей было уже за тридцать, но все звали ее Наташкой. Она была вот именно - уличная, то есть своя, народная, веселая, озорная, с детскими, чуть косящими глазами, с ямочками на щеках, пухленькая, ладная... И без всякого сомнения, являлась «гвоздем» народной ярмарки, что и нынче шумит на Крымском валу, у подножия Центрального Дома художника. Только теперь уже без Наташки.

Говорят, когда она в первый раз пришла на эту ярмарку со своим товаром, возле нее сразу образовалась толпа. Прочие умельцы и корабейники с завистью наблюдали, как лихо и азартно торгует новенькая. «Наш Игнат - у всех нарасхват. Потому что у Игнашки - душа нараспашку!» - сыпала она, выставляя живописнейшие рельефные картинки в рамочках, на которых ее Игнат - ярмарочный фокусник и пройдоха, обаятельный, белокурый (либо гучий брюнет) и ужасный фронт, восседая за праздничным столом, уставленным всевозможными яствами, увенчанном самоваром, с которого свисают золотистые ожерелья из баранок, - ублажал нарядных полногрудых девиц. Забавный этот персонаж, кочевавший из кар-

тинки в картинку, с одного стола за другой, перебегавший из одного алькова в следующий, - был любимым, но отнюдь не единственным героем мастерицы. На наташкиных «ярмарках» встречал я силача «Бамбулу», рвавшего железные цепи, Аленушку, ткавшую свое приданое, Бабу Ягу, распивающую чай с Кощеем... Главный же секрет этих самобытных и, по-своему, неповторимых творений заключался в том, что все персонажи, все убранство «картинок» сочинялось из обычного теста. А впрочем, теста необыкновенного. Ибо ни одна из мастериц, пытавшихся подражать Наташке, не могла постичь ее рецепта, благодаря которому все, что она лепила, получалось удивительно жизненно, органично, изяшно. И так крепко, что, казалось, сделано из камня.

Кто учил Наташку ее искусству? Вскоре я уже знал, что никто. Она росла в детском доме. Кое-как закончила школу, откуда ее не раз выгоняли за странные выходки: то она приходила в класс с расписанным красками лицом, то, оставшись после уроков, расписывала стены класса сценами из народной жизни... Она была прирожденным художником. Потому, вероятно, и не пошла в художественное училище. Из детдома ушла прямо «в люди», довольствуясь случайными заработками:

писала для кооперативных артелей и магазинчиков яркие вывески аля Пиромани, не подозревая, что такой художник жил на свете и даже был знаменит. И уж совсем не представляла, что скоро тоже станет знаменитой - правда, в своем узком кругу, среди таких же, как и сама, уличных художников, и (подобных мне) «сумасшедших» коллегционеров.

Так Наташка и звала меня, считая явно ненормальным за то, что покупал практически все, что она сочиняла.

Завидев меня, она бросала своих покупателей, радостно крича: «Вот, пришел сумасшедший! Коли он не возьмет - тогда вы берите». Если же у меня не оказывалось денег, приставала: «Ты мне только скажи - нравится?» И, уяснив, что нравится, отдавала даром, махнув рукой: «Сочтемся».

О ее личной жизни я до поры ничего не знал. По натуре открытая, Наташка не касалась своего жителя-бытия. Казалось, все ее существо только здесь, на ярмарке, здесь ее родной дом, здесь ее друзья и подружки, с которыми она торговала, делила кусок хлеба, распивала бутылочку - другую. А ведь где-то был дом, в котором она жила, растила дочку, мастерила свои «картинки». Как-то я ее спросил: «Ты замужем?» Она рассмеялась: «Как же я дочку родила?

Но я за мужа не держусь, позовешь - за тебя выйду». А после этого вдруг исчезла. Бывая на ярмарке, я спрашивал о Наташке у ее товарок. Отвечали, мол, лежит в больнице. Что с ней, сколько пролежит, неизвестно. Между тем у меня появились другие увлечения, я заглядывал на ярмарку все реже и реже...

Прошло два года. Однажды я снова отправился на Крымский. Наташку не нашел. Но встретил корабейниц, торговавших картинками, сделанными «под Наташку». «Как зовут этого малого?» спросил я, указывая на бледную тень того молодца, которого моя Наташка звала Игнатом. «Зовут Егор - на руку скор», - бойко отвечали мне. - «А Наташку не видели? У которой Игнат - у всех нарасхват?» - «Слыхали. Да ведь умерла она. Говорят, муж-пьяница бил ее смертным боем. Потом сбежал. А умерла от рака. Осталась маленькая дочка. Кто-то из здешних мастериц взял ее в семью».

От мастера-резчика (по совместительству профсоюзного ярмарочного «босса») узнал: в помощь наташкиной дочке уличные художники создали своего рода благотворительный фонд, который здесь, на ярмарке, называют просто «копилкой». А тот ряд, из которого Наташка зазывала покупателей, долго еще называли Наташкиной улицей. ■

Работы Натальи Зобковой.